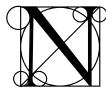

Даниэла
тмл

Свадьба

ACT
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С 80

Серия «Даниэла»

Danielle Steel
THE WEDDING

Перевод с английского *Е. К. Денякиной*

Компьютерный дизайн *А.А. Кудрявцева, А.Б. Ткаченко*
Студия «FOLD&SPINE»

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Janklow & Nesbit Associates
и Prava I Prevodi International Literary Agency

Стил, Даниэла.

С 80 Свадьба : [роман] / Даниэла Стил ; [пер. с англ.
Е. К. Денякиной]. — Москва : АСТ, 2015. — 448 с. — (Да-
ниэла).

ISBN 978-5-17-088771-2

Интриги, скандалы, блеск и роскошь звездного Голливуда?
Разумеется!..

Трогательная, забавная и увлекательная семейная сага? Ко-
нечно же!..

Однако прежде всего это — история любви. Любви сильной,
независимой молодой женщины с «неженской» профессией ад-
воката и известного писателя, силой своего чувства возродивше-
го ее к новой жизни.

Это — «Свадьба» Даниэлы Стил.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-088771-2

© Danielle Steel, 2000
© Перевод. Е.К. Денякина, 2001
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Глава 1

Поток машин полз по шоссе на Санта-Монику с черепашьей скоростью. Аллегра Стейнберг откинулась на спинку сиденья своего темно-синего «Мерседеса» трехсотой модели. При такой скорости дорога, пожалуй, займет целую вечность. Она ехала домой, никаких особенно срочных дел у нее не было, но сидеть просто так, застряв в автомобильной пробке, всегда казалось ей на редкость бессмысленной тратой времени.

Аллегра со вздохом вытянула ноги, включила радио и улыбнулась: из приемника полилась мелодия последнего сингла Брэма Моррисона. Вот уже больше года Аллегра представляла интересы Моррисона как адвокат. Важных клиентов такого уровня у нее было несколько. Окончив Йельский университет четыре года назад, в свои двадцать девять Аллегра успела стать младшим партнером юридической фирмы «Фиш, Херцог и Фримен» — одной из наиболее солидных и известных в Лос-Анджелесе. Ей всегда хотелось работать адвокатом в шоу-бизнесе. Аллегра давно решила, что станет юристом. Лишь на младших курсах университета, после двух лет участия в труппе любительского театра в Нью-Хейвене она некоторое время подумывала о том, чтобы стать актрисой. Выбери она актерскую профессию, в семье никто бы не удивился, хотя это еще не значит, что родные пришли бы в восторг. Мать Аллегры, Блэр Скотт, поставила на телевидении по собственному сценарию один из наиболее известных сериалов за последние девять лет. Это была комедия, не лишенная, впрочем, серьезных мо-

ментов, а временами в нее вплеталась и драматическая правда жизни. Из девяти лет, что сериал шел на экране, семь лет он занимал верхнюю строку в рейтинге и за это время принес Блэр Скотт семь премий «Эмми». Отец Аллегры, Саймон Стейнберг, был крупным кинопродюсером, некоторые из его фильмов имели шумный успех. За годы работы он получил три премии «Оскар», а о его способности создавать фильмы, приносящие огромные кассовые сборы, ходили легенды. Но что куда важнее, Саймон Стейнберг принадлежал к породе людей, которые в Голливуде встречаются крайне редко — он был настоящим джентльменом, человеком милым и порядочным, словом, достойным во всех отношениях. Они с Блэр были одной из самых уважаемых супружеских пар в киноиндустрии — и самых нетипичных для Голливуда. Оба много работали, но много времени посвящали и семье, которой оба равно дорожили. Младшая сестра Аллегры, семнадцатилетняя Саманта, или Сэм, как ее все звали, еще заканчивала среднюю школу, но уже успела поработать фотомodelью. В отличие от Аллегры Сэм всерьез собиралась стать актрисой. Из всей семьи только Скотт, брат Аллегры, студент-первокурсник Стэнфордского университета, не имел никакого отношения к шоу-бизнесу. Он изучал медицину и мечтал только о том, чтобы стать врачом. Голливуд с его обманчивым блеском, похоже, совсем не привлекал Скотта Стейнберга.

К двадцати годам Скотт достаточно насмотрелся на изнанку шоу-бизнеса, чтобы испытывать к нему стойкое отвращение. Он даже считал, что Аллегра совершила глупость, связав свою жизнь с юридической стороной этого мира. Самого Скотта вовсе не привлекала перспектива всю жизнь волноваться из-за кассовых сборов, прибылей и рейтинга. Он избрал профессию хирурга-ортопеда со специализацией в области спортивной медицины — занятие полезное, конкретное и практическое. «Кто-то ломает ногу — врач ее лечит, все просто и без затей» — так рассуждал Скотт. На примере других членов семьи Скотт видел, какво общаться с избалованными, эксцентричными звездами рок-музыки, капризными, ненадежными актерами, бесчестными дельцами от теле- и кинобизнеса и инвесторами, мнящими себя такими благородными рыцарями.

Скотт не отрицал, что в профессиях его близких есть свои достоинства и все они преданы своей работе. Да, его мать явно получает от своего сериала огромное удовлетворение, отец снял несколько действительно классных фильмов, Сэм мечтает о карьере актрисы, а Аллегра с удовольствием занимается делами звезд. Все так, но что до него, Скотта, то он лучше будет держаться от всего этого подальше.

Думая о брате и слушая песню Брэма, Аллегра улыбнулась. То, что в числе ее клиентов оказался Брэм Моррисон, произвело впечатление даже на Скотта. Еще бы, Брэм — настоящая знаменитость. Обычно Аллегра не распространялась о своих клиентах, но Брэм сам упомянул о ней, давая интервью Барбаре Уолтерс. Клиенткой Аллегры является и Кармен Коннорс, блондинка в стиле Мэрилин Монро, очередная секс-бомба. Двадцатитрехлетняя уроженка крошечного городка в штате Орегон и ревностная христианка, она начинала в качестве певички в клубе, но в последнее время снялась один за другим в двух фильмах, и тогда выяснилось, что у нее актерский талант. В коллегии адвокатов Кармен порекомендовали фирму «Фиш, Херцог и Фримен», а один из старших партнеров познакомил ее с Аллегррой. Они хорошо поладили с самого начала, и с тех пор Аллегра с ней нянчилась — иногда в самом прямом смысле, но так уж повелось.

В отличие от Брэма, которому было под сорок и который выступал на сцене уже лет двадцать, Кармен была еще новичком в Голливуде, и всякого рода неприятности, казалось, преследовали ее по пятам. У нее то и дело возникали проблемы с влюбленными в нее мужчинами, которых, как заявляла Кармен, она едва знает, проблемы с не в меру навязчивыми поклонниками, рекламными агентами, парикмахерами, «желтой прессой», папарацци, незадачливыми агентами. Кармен никогда толком не знала, как вести себя со всеми этими людьми, и частенько в отчаянии звонила Аллегре, случалось, даже и в два часа ночи. По ночам голливудскую красотку часто одолевали страхи: ей казалось, что кто-нибудь заберется в дом и нападет на нее. Аллегра лишь отчасти смогла ее избавить от страха при помощи охранного агентства, которое патрулировало дом актрисы с сумерек до рассвета, новейшей системы охранной сиг-

нализации и пары сторожевых псов весьма жуткого вида. Кармен и сама боялась ротвейлеров, зато псы испугали бы любого бандита или другого непрошеного гостя, который посмел бы забраться в дом. Однако несмотря на все предпринятые меры Кармен по-прежнему звонила своему юристу среди ночи — хотя бы только за тем, чтобы поговорить о недоразумениях и трудностях, возникших на съемочной площадке, а иногда и просто ища утешения. Аллегра к этому скоро привыкла, хотя друзья не раз шутили, что она не только адвокат, но и нянька по совместительству. Аллегра относилась к этой стороне дела философски, делая скидку на непредсказуемость знаменитостей. Она видела, что приходится терпеть ее родителям, общаясь со звездами, и уже ничему не удивлялась. Несмотря ни на что, ей нравилась сама юридическая деятельность, а особенно та ее часть, которая касалась шоу-бизнеса.

Дождаясь, пока вереница машин сдвинется с места, Аллегра переключила приемник на другую радиостанцию. Машины наконец-то медленно поползли вперед. Она подумала о Брэндоне. Иногда, чтобы доехать до дома, возвращаясь от клиента, она тратила больше часа на какие-нибудь десять миль пути, но пришлось с этим смириться. Ей нравилось жить в Лос-Анджелесе, а на дорожные проблемы она большей частью просто не обращала внимания.

Стоял теплый январский день, Аллегра опустила верх машины, и в ее длинных белокурых волосах поблескивали последние лучи предзакатного солнца. Именно по такой южной, типичной для Калифорнии погоде она тосковала на протяжении семи долгих зим в Нью-Хейвене, пока училась в Йельском университете. Большинство ее друзей, окончив среднюю школу в Беверли-Хиллз, поехали учиться в ЛАКУ*, но Саймон Стейнберг хотел, чтобы его дочь училась в Гарварде. Аллегра предпочла Йельский университет, но у нее никогда не возникало искушения остаться по окончании учебы на востоке. Ее дом и вся жизнь — в Калифорнии.

Аллегра набрала скорость. У нее мелькнула мысль, не позвонить ли Брэндону в офис, но потом она решила по-

---

* Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе. — *Здесь и далее прим. пер.*

дождать до дома. По дороге домой она иногда звонила из машины по делам, но разговаривать с Брэндоном предпочитала из дома, несколько минут отдохнув и немного расслабившись. Как и она сама, Брэндон бывал занят до самого конца рабочего дня, иногда к вечеру дел даже прибавлялось, например, при встрече с клиентом, которого ему предстояло защищать на следующий день в суде, или на совещании с другими поверенными или судьями. Брэндон работал судебным адвокатом и специализировался на преступлениях «белых воротничков», таких как взятки, растраты, вымогательства. «Настоящая юриспруденция», — с гордостью говорил он, бывало, о своей работе, противопоставляя ее тому, чем занималась Аллегра. Но она и сама не отрицала, что его профессиональная деятельность была далека от ее собственной адвокатской практики как небо от земли. По характеру они с Брэндоном тоже сильно отличались друг от друга, он был серьезнее, более собранный, с более глубоким подходом к жизни. За два года, что Аллегра с ним встречалась, ее близкие не раз и не два обвиняли Брэндона Эдвардса в том, что у него нет чувства юмора. По их мнению, это было существенным недостатком, так как родные Аллегры были с избытком наделены чувством юмора.

Ей нравилось в Брэндоне многое: надежность, твердость, не последнюю роль играла и общность профессий. Ей нравилось даже то, что у него есть семья. Брэндон прожил десять лет с женщиной, на которой женился, еще учась на юридическом факультете. Он уехал учиться в Калифорнийский университет в Беркли, а Джоанна забеременела. По словам Брэндона, он был просто вынужден жениться и до сих пор испытывал негодование по этому поводу. Однако после десяти лет брака, имея двоих детей, они с Джоанной во многом были по-прежнему очень близки. Тем не менее Брэндон до сих пор нередко сетовал на свой скоропалительный брак, который он называл отвратительной ловушкой. После окончания юридического факультета Брэндон поступил работать в самую консервативную юридическую фирму Сан-Франциско. То, что почти сразу после их с Джоанной решения пожить врозь его перевели в лос-анджелесский офис фирмы, было чистой случай-

ностью. Через три недели после переезда в Лос-Анджелес Брэндон познакомился с Аллегррой, вернее, их представил друг другу общий знакомый. С тех пор они встречались вот уже два года. Аллегра любила его и любила его детей. Джоанне не нравилось отпускать дочерей в Лос-Анджелес, поэтому, чтобы повидаться с ними, Брэндон обычно сам летал в Сан-Франциско. Всякий раз, когда была возможность, Аллегра отправлялась с ним. Правда, за эти два года Джоанна так и не смогла найти работу и продолжала твердить, что если начнет работать и перестанет сидеть дома с девочками, для них это будет слишком тяжелой травмой. То есть она всецело зависела от Брэндона. К тому же они до сих пор не разрешили спор из-за дома и квартиры в большом доме у озера Тахо. Время шло, а они так ничего и не решили, дело о разводе до сих пор не было заведено, договоренность по финансовым вопросам не достигнута. Аллегра иногда поддразнивала Брэндона тем, что он адвокат, а сам не может заставить собственную жену подписать контракт. Но торопить его не хотела. Сохранение нынешнего положения вещей означало, что до поры до времени их отношения тоже остаются на прежнем уровне — удобные, приятные, но не переходящие на следующую ступень, — и так могло продолжаться до тех пор, пока Брэндон не расставит все точки над *i* с Джоанной.

Думая о Брэндоне и гадая, захочется ли ему пойти в ресторан, Аллегра свернула на Беверли-Хиллз. Брэндон готовился к очередному судебному заседанию и, вероятнее всего, засидится в рабочем кабинете допоздна. Но она и сама нередко работала по ночам, правда, не потому, что готовилась к судебному процессу. Среди ее клиентов были актеры и актрисы, писатели, продюсеры, режиссеры, и ей приходилось заниматься всем, начиная от контрактов и кончая завещаниями, вести за них переговоры, решать финансовые вопросы при разводах. Аллегре больше всего интересовала юридическая сторона ее деятельности, но она лучше других адвокатов понимала, что, имея дело со знаменитостью или, во всяком случае, с клиентом из шоу-бизнеса, поневоле приходится уходить с головой в его сложную, порой сумбурную, зачастую полную неразберихи жизнь. Иногда Аллегре казалось, что Брэндон этого не понимает.

Как она ни пыталась что-то объяснить, индустрия развлечений оставалась для него неизведанной страной. По его словам, он предпочитал осуществлять свои функции юриста с «нормальными людьми» и для «нормальных людей», и лучше — в обстановке, которая ему знакома и понятна, например, в зале федерального суда. Он надеялся со временем занять пост федерального судьи, и в тридцать шесть лет подобные устремления казались вполне разумными.

Едва Аллегра свернула с шоссе, как зазвонил мобильник. Она надеялась услышать голос Брэндона, но это был не он. Звонила Элис, секретарша. Элис работала в фирме уже пятнадцать лет и для Аллегры стала чем-то вроде спасательного жилета. У нее была светлая голова, уйма здравого смысла и успокаивающая, почти материнская, манера обращения с самыми капризными клиентами. Не спуская глаз с дороги, Аллегра переключила телефон на громкую связь и спросила:

— Привет, Элис, что стряслось?

— Только что звонила Кармен Коннорс. Я подумала, вам нужно об этом знать. Она страшно расстроена. Ее фотография появилась на обложке «Чаттера».

Так называлась одна из самых пакостных газетенки «желтой прессы», которая вот уже несколько месяцев терзала Кармен, несмотря на все предупреждения и даже угрозы со стороны Аллегры. К сожалению, газетчики точно знают, насколько далеко можно зайти, чтобы не быть привлеченными к суду за клевету, и умеют не перейти черту.

— Ну, что на этот раз? — спросила Аллегра, хмурясь.

Она подъезжала к небольшому дому, который купила после окончания юридического колледжа — не без финансовой помощи родителей, конечно. Этот дом, точнее, уединенный коттедж, очень понравился Аллегре, а деньги родителям она собиралась со временем вернуть.

— Кажется, в статье говорится, что она участвовала в оргии с одним из своих врачей, пластическим хирургом, — сообщила Элис.

Бедняжка Кармен однажды сделала глупость, пойдя на свидание с упомянутым врачом. Они обедали в «Чейзене»*

---

* Один из знаменитых ресторанов Лос-Анджелеса.

и, если верить словам Кармен, даже не занимались сексом, не говоря уже о какой-то оргии.

Поворачивая на подъездную аллею, Аллегра в досаде чертыхнулась.

— У вас есть экземпляр газеты?

— Нет, но я обязательно куплю по дороге. Хотите, я завезу вам газету?

— Не надо. Взгляну завтра. Я уже дома и сейчас же позвоню Кармен. Спасибо за сообщение. Что-нибудь еще?

— Звонила ваша мать, она интересовалась, сможете ли вы прийти к ним на обед в пятницу, и хотела убедиться, что в субботу вы будете на вручении премии «Золотой глобус». Блэр очень надеется увидеть вас на церемонии.

— Конечно, я буду. — Аллегра улыбнулась, останавливая машину у крыльца. — И мама об этом знает.

В этом году отец и мать Аллегры были выдвинуты на премию, и она ни за что не пропустила бы церемонию награждения. Аллегра пригласила и Брэндона, причем заранее, за месяц, еще до Рождества.

— Думаю, она просто хотела лишний раз удостовериться, что вы придете.

— Ей я тоже перезвоню. Это все?

— Теперь все.

Часы показывали пятнадцать минут седьмого. Аллегра ушла из офиса в половине шестого, что было для нее рано, но она взяла работу домой, и, если они с Брэндоном не встретятся, у нее будет время ее сделать.

— До завтра, Элис, спокойной ночи.

Попрощавшись, Аллегра вынула из замка зажигания ключи, взяла портфель, заперла машину и поспешила к дверям. Дом выглядел темным и пустым; войдя в холл, Аллегра бросила портфель на кушетку, включила свет и прошла на кухню.

Из окна открывался впечатляющий вид на раскинувшийся внизу город. Уже стемнело, и далекие огни мерцали, как драгоценные камни. Аллегра достала из холодильника маленькую бутылку минеральной воды, открыла ее, отхлебнула из горлышка и принялась свободной рукой разбирать почту. Несколько счетов, письмо от школьной подруги Джессики Фарнсуорт, несколько каталогов, куча всякой

рекламной чепухи и открытка от другой подруги, Нэнси Тауэрс, которая сейчас катается на лыжах в Санкт-Морице. Прихлебывая воду, Аллегра отодвинула почту в сторону и тут заметила теннисные туфли Брэндона, в которых он бегал по утрам. Дом всегда кажется более обжитым, когда Брэндон оставляет свои вещи. Он не отказался от своей квартиры в городе, но большую часть времени проводил здесь, с Аллегррой. Ему нравилось жить с ней, он не раз об этом говорил, но и не скрывал того факта, что еще не готов взять на себя определенные обязательства. Первый брак слишком ущемлял его интересы, оказался неудачным, и Брэндон боялся повторить свою ошибку. Вероятно, поэтому он и тянул так долго с разводом. Но Аллегра была вполне довольна тем, что у нее есть, о чем она и говорила своему психоаналитику и родителям. Ей всего двадцать девять, нет нужды спешить с замужеством.

Аллегра отбросила назад свои длинные светлые волосы, включила кнопку прослушивания сообщений на автоответчике и села на высокий табурет возле кухонной стойки. Ее кухня, отделанная белым мрамором и черным гранитом, сияла безупречной чистотой. Слушая сообщения, Аллегра с отсутствующим видом уставилась в пол, выложенный в шахматном порядке черной и белой плиткой. Как и следовало ожидать, первый звонок был от Кармен; казалось, она плачет. Кармен пробормотала что-то несвязное о статье, о том, как это несправедливо и как расстроилась ее бабушка. Бабушка звонила ей сегодня днем из Портленда. Кармен не знала, решит ли Аллегра подавать в суд на этот раз, но хотела поговорить и просила перезвонить ей, как только у Аллегры выдастся свободная минутка. Похоже, Кармен даже в голову не приходило, что ее адвокат имеет право на свободное время и личную жизнь. Звезда нуждалась в ней для решения собственных проблем, ни о чем не задумываясь, что, впрочем, еще не делало ее плохим человеком.

Снова звонила мать, приглашая Аллегру на обед в пятницу и, в точности как говорила Элис, напоминая о предстоящей в этот уик-энд церемонии вручения премии «Золотой глобус». Слушая голос матери, Аллегра улыбнулась. Блэр была по-настоящему взволнована — вероятно, потому, что ее мужа тоже выдвинули на премию. Скотт при-

езжал из Стэнфорда, чтобы смотреть церемонию вместе с Сэм дома по телевизору, и Блэр надеялась, что Аллегра пойдет на торжество вместе с родителями.

Следующее сообщение было от тренера по теннису, от которого Аллегра пряталась уже несколько недель. Она начала брать уроки тенниса, но, посетив несколько занятий, все никак не могла выкроить время на следующее. Аллегра пометила в блокноте его имя, думая, что нужно будет по крайней мере позвонить и объяснить, что она не сможет продолжить занятия.

Затем шло сообщение от мужчины, с которым Аллегра познакомилась в отпуске. Он был привлекателен и работал в престижной студии, но играл не по правилам. Аллегра познакомилась с ним, когда была с Брэндонном. Назвав свое имя, он просил перезвонить. Слушая хриловатый голос, Аллегра улыбнулась, но подумала, что об этом и речи быть не может. Она не собирается встречаться с кем бы то ни было, кроме Брэндона. Брэндон — третья большая любовь в ее жизни. Предыдущая продлилась почти четыре года, началась еще в юридическом колледже и продолжалась первые два года ее адвокатской практики в Лос-Анджелесе. Роджер тоже окончил Йельский университет, но другой факультет — режиссерский. Однако за четыре года он так и не созрел для серьезных отношений и в конце концов переехал в Лондон. Он звал с собой и Аллегру, но к тому времени она работала в фирме «Фиш, Херцог и Фримен» и у нее уже было множество клиентов. Конечно, она не могла бросить работу и поехать с Роджером в Лондон. Действительно, какой смысл отказываться от потрясающей работы и ехать на край света за человеком, который даже ничего не обещает, не желает говорить о будущем? Роджер жил сегодняшним днем. Он любил пространно рассуждать о карме, о свободе и об энергии «ци». Два года общения с психоаналитиком кое-чему научили Аллегру, и ей хватило ума не тащиться за ним в Лондон. Поэтому она осталась в Лос-Анджелесе, где через два месяца встретила Брэндона.

Предшественником Роджера был Том, женатый профессор Йельского университета. Аллегра сошлась с ним на старшем курсе, их бурный, страстный роман был основан исключительно на сексе. Она еще не встречала никого

похожего на Тома, и их отношения закончились, только когда он взял творческий отпуск и отправился на целый год в путешествие пешком по Непалу. Он взял с собой жену и грудного младенца, их сына. Когда Том вернулся, его жена снова ждала ребенка, но к тому времени Аллегра уже встречалась с Роджером. Однако когда бы их пути ни пересекались, между ней и Томом всегда проскакивало нечто вроде мощного электрического разряда. Когда он уехал преподавать в Северо-Западный университет, Аллегра вздохнула с облегчением. Пусть Том испытывал к ней непреодолимое влечение, но он так и не смог реально представить их будущее. Когда он думал о будущем, то видел перед собой только Митру, свою жену, и их сына Евклида. Том отошел в прошлое, и доктор Грин, психоаналитик, редко заговаривала о нем, разве что когда хотела напомнить, что у Аллегры до сих пор не было с мужчиной отношений, предусматривающих какие-то обещания, касающиеся их общего будущего.

— Ну, не знаю, мне двадцать девять лет, должны же у меня быть связи с мужчинами, — не раз говорила Аллегра. — А выйти замуж мне никогда по-настоящему не хотелось.

— Дело не в этом, Аллегра, — возражала доктор Грин. Она была уроженкой Нью-Йорка, и ее большие темнокариные глаза иногда преследовали Аллегру после сеансов. Аллегра ходила к психоаналитику вот уже четыре года с перерывами. Ее в целом устраивала собственная жизнь, вот только свободного времени постоянно не хватало и уж очень многого от нее ждали и в семье, и в фирме. — А на вас кто-нибудь когда-нибудь хотел жениться?

Доктор Грин упорно возвращалась к вопросу, который самой Аллегре казался бессмысленным.

— Какая разница, если я не хочу замуж? — защищалась она.

— Но почему? Почему вам не нужен мужчина, который хотел бы на вас жениться? В чем дело, Аллегра? — не унималась доктор Грин.

— Но это же просто глупо! Роджер женился бы на мне, если бы я поехала с ним в Лондон. Я сама не захотела, у меня слишком бурная жизнь здесь, в Лос-Анджелесе.

— Почему вы думаете, что он бы на вас женился? — Порой Аллегре казалось, что доктор Грин похожа на маленького хорька, который залезает во все уголки и все вынюхивает, вынюхивает. — Он когда-нибудь это говорил?

— Мы на эту тему не разговаривали.

— И вас это не удивляет, Аллегра?

— Какая разница? С тех пор прошло два года, — начинала раздражаться она. Аллегра терпеть не могла, когда доктор Грин принималась за свои бесконечные расспросы. — Какое это имеет значение сейчас? — Все равно она слишком молода и слишком занята своей карьерой, чтобы выходить замуж.

— А как насчет Брэндона?

Доктор Грин никогда не забывала о Брэндоне, но Аллегре почему-то не нравилось обсуждать его с психоаналитиком. Ей казалось, что доктор Грин не понимает его ситуации или не осознает, как сильно травмировал его вынужденный брак.

— Когда он подает на развод?

— Когда они решат финансовые и имущественные вопросы, — обычно отвечала Аллегра, рассуждая как адвокат.

— А почему бы им не отделить одно от другого и не заняться сначала разводом? Ведь потом можно сколько угодно заниматься разделом имущества.

— Зачем? Какой в этом смысл? Нам же не обязательно жениться.

— Верно, не обязательно, но хочет ли он жениться? А вы, Аллегра, хотите за него замуж? Вы когда-нибудь обсуждали этот вопрос?

— Нам незачем его обсуждать, мы прекрасно понимаем друг друга. Мы оба заняты, оба делаем карьеру, да и встречаемся только два года.

— Некоторые люди женятся и выходят замуж и после более короткого знакомства. Суть в другом. — Доктор Грин впилась в Аллегру взглядом своих пронизательных карих глаз. — Не связались ли вы снова с мужчиной, который не хочет брать на себя обязательства?

— Конечно, нет! — Аллегра в который раз тщетно попыталась избежать пронизывающего, как луч лазера, взгляда. — Просто еще не время.

Обычно на этом месте доктор Грин кивала и ждала, что она скажет дальше.

За два года почти ничего не изменилось, только Аллегре было сначала двадцать семь, потом стало двадцать восемь, а теперь двадцать девять, в то время как раздельное проживание Брэндона с женой длилось уже два года. Его дочерям, Николь и Стефани, исполнилось одиннадцать и девять лет, а Джоанна до сих пор не преуспела в поисках работы. Как и Брэндон, Аллегра объясняла последнее обстоятельство отсутствием у нее образования. Незадолго до рождения старшей дочери Джоанна бросила колледж.

Кстати, следующей записью на автоответчике Аллегры была запись Николь. Девочка надеялась, что все в порядке и в выходные Аллегра придет с ее папой в Сан-Франциско. Она соскучилась и мечтает, как они все трое будут кататься на коньках.

— И еще... мне очень понравился свитер, который вы прислали мне на Рождество... Я хотела написать письмо, да забыла, а мама говорит... — В трубке повисло смущенное молчание. Девочка пыталась собраться с мыслями. — В эти выходные я обязательно напишу вам письмо. До свидания. Всего хорошего... — Девочка ойкнула и, спохватившись, что не представилась, поспешно добавила: — Это Ники. Пока.

Все еще улыбаясь, Аллегра прослушала следующее сообщение — от Брэндона. Он предупреждал, что все еще в офисе и задержится допоздна. Его сообщение было последним.

Аллегра выключила автоответчик, допила минеральную воду, выбросила пустую бутылку в мусорное ведро и взяла телефон, чтобы позвонить Брэндону на работу.

Сидя с телефонной трубкой в руке на кухонном табурете, обхватив ногами его металлические ножки, она выглядела высокой, тонкой и очень красивой, но не сознавала этого. Аллегра так долго жила в окружении красивых людей, что красота лица и тела не была для нее чем-то необычайным и интересовала ее куда меньше, чем духовный мир. О собственной же красоте она никогда не задумывалась и от этого только становилась естественнее, так как все ее внимание было сосредоточено на окружающих ее людях.